

Юрий Чигров

АВДОТЬЯ

16+

Юрий Борисович Чигров

Авдотья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67572759

SelfPub; 2022

Аннотация

Поздняя любовь очаровательна, но непредсказуема в её проявлении. Дуня Тетерева не нашла свою любовь в молодости, но в 39 лет к ней пришло настоящее чувство любви.

Юрий Чигров

Авдотья

Дуня Тетерева к 17 годам своей жизни окончательно поняла, что красавицей ей не быть никогда, несмотря на рассказы об удивительных возможностях косметики и пластической хирургии. В меру погоревав, она убедила сама себя, что новых ног не купишь, а «старые» – вовсе не мешают весело смеяться и горячо любить жизнь. Окончив школу, Дуня подала заявление в педагогический институт. Экзамены – провал! На следующий год ситуация повторилась. Побежали дни, месяцы, годы, и вот уже свой тридцать девятый год рождения Дуня встретила не только без высшего образования, а к тому же, и без мужа, без детей, без перспективы когда-либо обрести семью. Главное, что она приобрела в своём провинциальном городке к этим годам, так это двадцатилетний стаж работы за мизерную зарплату. Работала Дуня воспитателем в детском саду. Она никогда не жаловалась на свою судьбу, но очень часто, зарывшись головой в подушку, оставляла на ней следы своих горьких слёз. Следы, быстро высохнув, исчезали, горькая безысходность, впитавшись в подушку, оставалась. Дуне не пришлось столкнуться с чувством ранней девичьей любви, не приходила любовь и тогда, когда её уже трудно было назвать молодой девушкой.

– Так надо, – думала Дуня, – видно, нет у меня таланта,

любить, да и не всем он даётся, значит, так надо.

Лукавила Дуня. Очень, очень она хотела, чтобы судьба подарила ей кусочек женского счастья.

В один из пасмурных дней, когда Дуня, находясь на своём рабочем месте, приводила в порядок детские тумбочки, в помещение вошла молодая работница детского садика Шура. Присев на детский стульчик, она долго смотрела на Дуню, затем тихо произнесла:

– Дуня, может быть, хватит себя накручивать негативом? Ну, сколько можно играть в молчанку? Почему же ты всё-таки такая "бука"?

Дуня так же тихо ей ответила:

– Никого я не накручиваю, я привожу в порядок тумбочки.

– Я видела, как ты недавно плакала в уголке, – произнесла Шура, – тогда я к тебе не подошла, не хотела в душу лезть.

– А сейчас хочешь? – спросила недоверчиво Дуня.

– И сейчас не хочу, просто мне жалко тебя, – ответила Шура, – я вижу, как ты себя изводишь, что-то мучает тебя. Может быть, я смогу чем-то помочь? Мы всё-таки подруги.

– Ну, и что ж, что мы подруги, зачем тебе моя правда, Шура?

– Часто, когда думаешь, что всё потеряно, оказывается, что потеряно не всё. Я вижу, что тебе плохо, поэтому это и говорю.

Дуня села на стул, положив руки на колени.

– Ты молодая, Шура, – сказала она, – у тебя – семья; у тебя есть муж, дети. У меня ничего этого нет, и никогда не было. А сказать тебе, что у меня есть? Скажу! Я являюсь обладательницей замечательного груза: на мне висят года размером в 39 лет. Замечательный груз, не правда ли?

– Неожиданное признание, а я и не знала про это, – ответила Шура.

Дуня неожиданно начала плакать, вытирая слёзы платочком. Шура, как могла, стала её успокаивать:

– Дуня! Мне кажется, раз такое случилось, то прими это как данность, вот и всё. Я не знаю, что тут ещё можно сказать.

Дуня сквозь слёзы невнятно забормотала:

– Что мне принять как данность? Зарплату мою великую? Работая воспитателем в детском саду, я 20 лет смотрю на чужих детей. А то, что своих детей у меня нет, я спокойненько должна воспринимать как данность? Шура, я же ещё не покойник, чтобы ничего не чувствовать. У меня ведь сердце есть, у меня душа есть, как с этим-то быть?

– Ну, к примеру, философски можно подойти к этому вопросу, – предложила Шура. – Лишь бы – мужик, это не выход. Как говаривала актриса Мордюкова, обращаясь к мужчине в каком-то фильме: "Хороший ты мужик, но не орёл". А зачем тебе "не орёл"? С ним одни мученья – лучше одной быть.

– А у тебя муж орёл что ли? – спросила Дуня.

– Это, конечно, интересный, вопрос, прямо скажу, неожиданный, – растерялась Шура, – и я сейчас очень даже сильно промолчу.

– Скорее всего, я сама во всём виновата, – продолжила разговор Дуня. – Я всегда очень, очень надеялась, что природа возьмёт своё, пробудив во мне чувство любви. Природа ничего не пробуждала. Некого винить!

– Что же, у тебя и в юности никого не было? – спросила Шура.

– Было приключение, рассказывать стыдно, но я расскажу.

Однажды, когда мне было 17 лет, я назначила свидание на Лужковом мосту своему молодому человеку. Звали его Пётр. И вот на этом мосту между нами произошёл такой вот разговор:

– Дуня, милая, наконец-то! В эту удивительную ночь, я, глядя в твои прекрасные глаза, хочу...

– Хочешь сказать, будто ты счастлив от того, что со мной недавно познакомился!

– Почему будто? Сомнения у меня нет – я действительно счастлив! А вот скажи мне, на каком мосту ты стоишь?

– Это Лужков мост и что?

– А как он ещё называется?

– Не знаю.

– Ещё его называют мостом поцелуев.

– Ой! А я, к своему стыду, и не знала, что он так называется.

– Считается, что влюблённые, поцеловавшиеся здесь, непременно будут счастливы. Надо нам поцеловаться.

– А мы что, влюблённые?

– Во всяком случае, мне показалось, что я тебе очень понравился! Мы знакомы уже три дня, но почему-то ещё ни разу не сделали "чмоки-чмоки".

– Ты назначил мне встречу на этом мосту, потому что надеялся на мой поцелуй?

– Да, и я весь горю!

– А не слишком ли ты быстрый, Пётр?

– Дуня, стоит ли говорить о таком пустяке, как поцелуй. Сейчас практикуется другое.

– И что же это у тебя практикуется?

– Дуня, не будь наивной, ты же всё понимаешь!

– А может быть, я не хочу этого понимать?

– А я вижу, что хочешь! Кстати, всё очень символично. Мост – это символ пути от поцелуя к сексу. Ты это понимаешь и не можешь этого не желать!

Дуня на мгновение прервала свой рассказ, а потом, тяжело вздохнув, продолжила:

– Представляешь, Шура, Пётр схватил меня в охапку, прижал к себе и стал целовать в засос. Затем он, не церемонясь, полез своей рукой мне под юбку. Я резко ударила Петра по руке и быстро от него отскочив, заявила ему, что он ско-

тина. Мне показалось, что он даже не обиделся. Он, словно на лекции, стал мне объяснять, что у него чувства взвыграли, и что он готов со мной любовью заняться прямо на мосту. Шура, закончили мы наш диалог таким образом:

– Мне потрахаться на мосту не зазорно, – заявил он, – а бы не постеснялся, главное – это твоя любовь!

– А у меня нет к тебе любви, – сказала я, – сейчас есть только презрение! Тебе 27 лет, а мне 17-дцать. Ты опытный, а я дура. К счастью, я только сейчас это поняла.

– Да что произошло–то? – стал строить собой дурачка Пётр, – подумаешь, кое-что у тебя пощупал! Успокойся, от этого внебрачного ребёнка у тебя не будет.

Окончила свой рассказ Дуня простыми понятными словами:

– Шура, после этих его слов я дала ему пощёчину и ушла от него навсегда.

– Что же, у тебя кроме этого Петра больше с тех пор никого не было? – спросила Шура.

– Так у меня и Петра не было, – ответила Дуня, – были юноши знакомые, только не было у меня таланта любить. Думаю, не всем он даётся, значит, так надо. И не расспрашивай меня больше ни о чём!

– Ладно, молчу, молчу, – проговорила тихо Шура.

Неожиданно Дуня выкрикнула:

– Да и я скоро замолчу, возможно, навсегда.

– Что-то из моей головы не вынимается мысль. «К чему

ты клонишь?» —спросила Шура.

Дуня не стала отвечать на этот вопрос. Она выбежала из комнаты, бросилась бегом во двор и, упав во дворе на траву, заплакала. Рыдания душили её, но она, уткнувшись лицом в траву, шептала:

– Здесь поплачу, а жаловаться на свою судьбу больше никому не буду. Трава – не подушка, на ней следов от слёз не будет! Боже! Почему такая безысходность? Почему такая безысходность? Скажи мне, Господи!

К Дуне подбежала Шура и стала её успокаивать:

– Ты меня, конечно, прости, подруга, но я не могу тебя оставить в таком состоянии. Я чувствую, что должна тебе помочь.

– Чем ты мне поможешь, чем? – сквозь слёзы пробормотала Дуня, – я почему-то именно сегодня после разговора с тобой осознала, что жизнь, которой я жила, была жизнью человека, потерявшего что-то драгоценное и нужное. Никто не поможет найти мне эту потерю!

Шура не оставляла своих попыток успокоить Дуню:

– Дуня! Никто не сможет тебя ни в чём упрекнуть, вот, что важно! Ты всегда прекрасно работала, никогда не показывала виду, что тебе плохо. У каждого своя судьба, главное, что жизнь продолжается.

– Спасибо тебе за заботу, Шура, – сказала Дуня, поднимаясь на ноги, – но сейчас я хочу побыть одна. Потом пойду в детскую. Я ещё не все тумбочки проверила, да и пол надо

подмести.

– Хорошо, я сейчас уйду, согласилась с ней Шура, – только ты не вздумай чего-нибудь эдакого сотворить. А то, видишь ли, навсегда замолчать собралась! Ты мне это брось!

Однажды в садик, где работали Шура и Дуня, была оформлена девочка, которую привёл её отец, мужчина лет двадцати семи. В это время Дуня подметала пол. Она не могла понять, что с ней произошло, когда она увидела этого человека. Всего несколько слов, сказанные им, произвели на неё магическое действие. Его взгляд, манера говорить, голос опьянили Дуню. Она прекратила подметать пол, и когда мужчина, осматривая помещение садика, повернулся лицом к Дуне, Дуня, застыла, как заворожённая, глядя на мужчину, не отрываясь. Щётка выпала у неё из руки, она стояла с широко открытыми глазами, казалось, что она даже не моргает. Мужчина обратился с вопросом к Дуне:

– Простите, мы знакомы?

Дуня стояла без малейшего движения. Она, не отрываясь, продолжала молча смотреть на мужчину, который, явно испытывая неловкость, спросил:

– Вы так странно на меня смотрите. Мне показалось, что вы меня за кого-то приняли. Нет-нет! Я уверен, что мы раньше не встречались.

Дуня по-прежнему стояла без малейшего движения и молчала.

Заведующая детским садом, которая внимательно наблю-

дала за Дуней, спросила её:

– Дуня, что же ты молчишь? С тобой, между прочим, разговаривают.

Дуня попыталась что-то сказать, но из её рта вырвались только какие-то хриплые нечленораздельные звуки. Дуня закрыла лицо ладонями и выбежала из помещения. Мужчина с удивлением спросил заведующую:

– Что с ней? По-моему, ей плохо, может быть, надо чем-то помочь?

Заведующая ответила без раздумья:

– Нет-нет, с ней всё хорошо. Просто она, видимо, застеснялась, что её застали в таком виде, со щёткой в руке. Она взяла у нас подработку, ну, что-то вроде уборщицы, а основная её работа – воспитательница.

– Понимаю, понимаю, – заговорил мужчина, – в работе уборщицей нет ничего зазорного, но девушки бывают иногда излишне щепетильными.

Заведующая тут же, сообразив, что неловкость ситуации можно развернуть в нужное её русло, стала объяснять мужчине, что Дуня – одна из лучших воспитательниц детского сада, а, возможно, даже и лучшая.

Тем временем Дуня подбежала к лавочке, стоящей во дворе детского сада, и села на неё, предварительно походив взад-вперёд. Нервы её натянулись, готовые лопнуть от какого-то страшного напряжения. Дуня, обхватив голову руками так, как будто хотела выдавить из неё мозг, зашептала:

– Я не могу понять, что со мной произошло, Он же сказал всего несколько слов, почему же они так подействовали на меня?! Нет, слова здесь не при чём! Его взгляд, этот дурманящий взгляд – вот именно он опьянил меня. Боже! Да он же дотронулся взглядом до моего сердца! Боже, Боже, что со мной?

В последующие дни, когда мужчина приводил дочку в садик, Дуня старалась отыскать в нём те изъяны, которые помогли бы вывести её из состояния любовного заблуждения. Изъяны не находились. Вся, присущая Дуне, нежность, сосредоточилась на его ребёнке. Иногда, спохватываясь, и боясь показаться странной, Дуня переключалась на других детей, всё, что знала об отце девочка, знала и Дуня; он давно стал для неё самым близким и родным человеком,

Прошёл год, и вот однажды, когда заведующая вызвала Дуню к себе в кабинет, между ними произошёл очень неприятный для обеих женщин разговор:

– Дуня, я всё вижу, но не совсем всё понимаю. Почему у тебя под присмотром только один ребёнок? Почему ты уделяешь всё внимание только Дашеньке?

– Я уделяю внимание всем одинаково.

– Нет! Ты иногда, спохватываешься, и боясь показаться странной, переключаяешься на других детей. Это вспышки показного внимания, которые не могут ввести меня в заблуждение.

– Что вы! Это не так, это не так!

– Именно так! Я скажу тебе больше: ты компрометируешь наш коллектив. Отец Дашеньки, этот незнакомый тебе человек, стал для тебя вселенной. Ты находишься в состоянии любовного заблуждения, и это все видят.

– Зачем же вы верите всяким сплетням?

– У меня есть глаза – я вижу всё сама. Для тебя отец Дашеньки – это выдуманное, но горячо любимое божество; вся, присущая тебе, нежность, сосредоточилась на его ребёнке,

– Да разве же это плохо?

– Это замечательно, но ты находишься на работе, и другие дети тоже нуждаются в твоей опеке.

Глупышка! Вижу, как заграбастал тебя в свои лапы неистовый демон любви, разбудив дремавшие столь долгое время чувства?!

– Что вы такое говорите, что вы такое говорите?

– Забыла ты обо всём на свете, Дуня. Вижу, как твоё отчаяние переходит в надежду, а надежда – в отчаянье. Два человека безраздельно властвуют над тобой: он и Дашенька.

– Можно, я пойду? Можно я пойду?

– Ладно, слушай меня внимательно. Сегодня на улице гроза и дождь, с детьми на прогулку идти не нужно. Подготовь к отъезду Дашеньку, она переводится в другой садик. Через час отец её заберёт. Иди.

Дуня выбежала из кабинета заведующей и стала метаться по помещению детского сада. Это известие поразило Дуню, ведь она давно уже считала, что этот его ребёнок принадле-

жит ей; все её чувства давно слились в одно необыкновенное чувство любви к нему и к девочке. Появившаяся в помещении Шура, с удивлением спросила Дуню:

– Что с тобой? Ты похожа на сумасшедшую! Что же ты собираешься делать, Дуня?

Дуня в ответ закричала так, будто хотела выплеснуть наружу все свои накопившиеся в душе переживания:

– Сами вы все Дуни надоедливые, а я Авдотья, если хотите знать! Я Авдотья, а не Дунька с метлой. Отстаньте, отстаньте все от меня. Вы никогда, никогда не сможете меня понять. На вас никто никогда не посмотрит так, как смотрел он на меня.

Шура от этих слов просто обомлела:

– О чём ты сейчас говоришь? Я ничего не понимаю!

Дуня продолжала выбрасывать из себя слова, которые она очень хотела раньше произнести, но не произносила:

– Ты и не поймёшь, Шура! Он только взглянул; мы встретились глазами, и вот я, уже навсегда утратившая надежду на своё законное женское счастье, поняла вдруг, что смогу обрести его. Я это счастье обрела, и никто не посмеет у меня его отнять! Не смей больше называть меня Дуней! Авдотья я!

Дуня кинулась в детскую, взяла Дашеньку на руки и открыла дверь на улицу. Лил дождь, сверкали молнии, но она ринулась в непогоду, прижимая к груди несправедливо ускользающую от неё любовь.